

Цэнь Чхи подумал, что он еще не решил, поступать ли в Нинчуань.

Более того, Вэнь Цян, выпускник Гарвардской школы бизнеса, который до сих пор не ответил на сообщение, вероятно, даже не знал, что такое Нинчуань.

Тук-тук-тук.

После сдержанного стука раздался спокойный голос Юй Мина:

— Глава Вэнь, пора заканчивать работу.

В кабинете Вэнь Цян потер переносицу, на которой проступили признаки усталости:

— Иди.

Юй Мин ответил:

— Да.

Вэнь Цян расслабленно откинулся на мягкую спинку кресла, чувствуя боль в плечах.

Краем глаза он видел маленький стол, за которым Цэнь Чхи сдавал экзамены. Раньше Юй Мин спрашивал, не убрать ли его, ведь после поступления в старшую школу Цэнь Чхи больше не нуждался в его надзоре во время тестов. Но Вэнь Цян на секунду задумался, а затем покачал головой.

Казалось, что даже маленький стол, за которым сидел подросток, мог добавить немного живости в холодный и пустой кабинет.

Внезапно Вэнь Цян вспомнил их первую встречу в кабинете, когда Цэнь Чхи, размахивая руками, спросил его: «Тебе двадцать два года, почему ты не идешь в аспирантуру, а работаешь президентом?». Вэнь Цян невольно улыбнулся. Если бы можно было, он бы тоже подучился еще пару лет, это было бы куда проще, чем бесконечные деловые переговоры и утверждение планов.

Задумавшись, он достал личный телефон. Днем он выключил звук на деловой встрече, и теперь увидел накопившуюся кучу сообщений. Среди них, в закрепленных, контакт с подписью «Маленький дикий кот, не любящий учиться» светился красной единицей.

Вэнь Цян открыл его и увидел сообщение от Цэнь Чжи. Осторожный и пробующий тон, сквозь экран Вэнь Цян мог представить нерешительность мальчика, отправлявшего эту фразу.

Вэнь Цян вздохнул. Только ребенок смог самостоятельно найти репетитора, а тут же начал снижать планку. Ну что ж...

Он посмотрел на время, убедившись, что не помешает съемкам или сну Цэнь Чхи, и сразу набрал его обратно.

Через несколько секунд ответили, и оттуда послышался звонкий голос подростка:

— Глава Вэнь?

Вэнь Цян невольно улыбнулся:

— Чем занимаешься?

В отеле Цэнь Чхи держал телефон в одной руке, а в другой сжимал ручку над тетрадью:

— Дописываю конспекты.

Вэнь Цань подумал, что он довольно сознательный, и спросил:

— Почему вдруг решил поступать в Нинчуань?

Цэнь Чхи замер с ручкой в руке и вдруг нервничать:

— Просто... Цзинь Цюн сказала, что поступает, и позвала меня с собой.

Вэнь Цян не знал, смеяться или плакать:

— А ты сам хочешь? Нинчуань, хоть и известная театральная школа, но если ты действительно выбираешь этот путь, я бы порекомендовал поступить в Академию драмы «Хуася» или в Яньпинскую киноакадемию.

Цэнь Чхи:

Академия драмы «Хуася» и Яньпинская киноакадемия, о которых говорил Вэнь Цань, были лучшими университетами, и Цэнь Чхи ничуть не удивился. Он вяло положил голову на стол:

— Я еще не решил. Цзинь Цюн сдает в следующем году, и Нинчуань обещал ей зачисление при условии сдачи на проходной балл. У меня не так. У меня нет премии «Золотой фильм», я просто обычный артист.

Вэнь Цян:

— Это твой собственный путь. Ты можешь ссылаться на чужой опыт, заимствовать его, но не копировать слепо, понятно?

Цэнь Чхи грустно ответил:

— Угу.

Вэнь Цань сменил тему:

— Как съемки в эти пару дней? Хорошо ладишь с группой?

Цэнь Чхи слегка замешкался, но ответив, голос и тон были вполне нормальными:

— Отлично, Цзинь Цюн и Жэнь меня очень опекают.

Вэнь Цян:

— Это хорошо. — Вэнь Цань полистал заметки в телефоне. — Через пару дней, если будет время, я навещу тебя.

Цэнь Чхи опешил, не ожидая, что Вэнь Цань скажет такое. Это, наверное, считается визитом на площадку. Цэнь Чхи вдруг почувствовал тепло внутри, и на его лице бесхитростно расцвела довольная улыбка, словно у кота, укравшего сметану. Он все еще улыбался, даже после того,

как разговор закончился.

А в кабинете Вэнь Цань, который уже собирался уходить, пришло сообщение от Вэй Хэ, которое сразу же разрушило фасад «отлично» у Цэнь Чжи.

Вэнь Цань молча посмотрел на него немного, и когда поднял глаза, на его обычно мягком и добром лице, на контрасте с густой ночной темнотой за окном, проступила глубокая тоска.

В следующие несколько дней Цзинь Цюн действительно начала учиться вместе с Цэнь Чжи. В перерывах между съемками, когда не было ее сцен, она зубрила учебники для третьего года старшей школы, а Цэнь Чжи с одной стороны лихорадочно наверстывал программу, с другой — повторял пройденное, став самой странной достопримечательностью на съемочной площадке. Они даже появились в официальном Weibo.

За это время сцены, где «Ли Шао» травил «Сун Сюй», были закончены, но Тан Фэй, не примирившись, снова подстроил ему ловушку. Это случилось во время игры в баскетбол: он специально бросил мяч в Цэнь Чжи. По заданию Тан Фэю нужно было просто кинуть мяч в сторону Цэнь Чжи, а потом снять кадр, где мяч касается головы Цэнь Чжи, и потом это смонтировать. Однако во время съемки, так как Цэнь Чжи стоял спиной к Тан Фэю, тот прямо и метко ударил мячом по затылку Цэнь Чжи, от того у него так закружилась голова, что он чуть не упал.

К счастью, школьный врач после осмотра сказал, что все не серьезно, сотрясения мозга и последствий нет, поэтому съемки продолжились.

А Тан Фэй под предлогом «рука соскользнула» по приказу режиссера Лю Цая извинился перед Цэнь Чжи, затем Лю Цай сделал ему предупреждение, а всем запретил болтать, и на этом дело закрыли.

Тогда Цзинь Цюн с каменным лицом сказала Цэнь Чжи:

— Не волнуйся, на этом не кончится.

Цэнь Чжи видел, что Лю Цай не хочет раздувать скандал и задерживать всю группу. У «Юности» уже был скандал с бывшей главной героиней, сейчас все просто хотели спокойно отснять фильм и не хотели, чтобы всплыли какие-то внутренние конфликты.

Цэнь Чжи не хотел идти против Лю Цая, и Цзинь Цюн с Жэнь Сысином тоже понимали намек режиссера, поэтому вопрос пришлось отложить.

Однако это не помешало им сначала устроить небольшую атаку в прессе.

Поэтому когда Шэн Цзинь приносил конспекты Цэнь Чжи, этот честный и простодушный староста тоже тихо и с возмущением спросил:

— Цэнь Чжи, я слышал, когда вы снимали с «тем человеком», он каждый раз действительно тебя травил?

Цэнь Чжи: ... Цэнь Чжи взял тетрадь, не ответив Шэн Цзиню, и только сказал:

— Ты не переживай, хорошо слушай на уроках, за меня тоже.

Шэн Цзинь, видя, что Цэнь Чжи избегает ответа, понял, что слухи правдивы, и, возможно, из-за

каких-то причин он не может выяснять это дело. Шэн Цзинь тут же разозлился:

— Он правда заставлял тебя пить воду из унитаза? Слишком чрезмерно!

Цэнь Чхи брызнул водой:

— Нет! Не говори чушь! Кто будет пить воду из унитаза?! Слухи Цзинь Цюн слишком ненадежны!

Слухи постепенно бродили и в конце концов просочились в интернет, в теме о том, что Тан Фэй обижает новичка, правды и вымысла было много, многие, называющие себя «очевидцами», выдали кучу информации, и пошли спрашивать правду в официальный Weibo «Юности».

Потом вылезли люди, называющие себя «сотрудниками», объясняя, что это по сценарию, и те, кто читал оригинал «Юности», знали, что там упоминается школьная травля. Как раз собирались отмыкать Тан Фэя, как снова кто-то сказал, что Тан Фэй специально в этих сценах обижал новичка, так что все запутались, правда это или нет.

Среди этого хаоса официальный Weibo обновился, текст был «Одна улыбка смывает старую обиду», приложили картинку.

На картинке два юноши в школьной форме стояли друг напротив друга, один высокий, другой низкий. Высокий и статный парень одной рукой терл затылок, слегка отвернув голову, словно ему было неловко смотреть в лицо, а худой и изящный юноша слегка поднял голову, выдавая застенчивую улыбку.

Их ладони сжаты, а солнечный свет косо падало на тыльную сторону их рук.

«Сун Сюй» и «Ли Шао» помирились.

Цзинь Цюн холодно прокомментировала:

— Мусорный сюжет.

Жэнь Сысин не мог найти слов:

— Наберись побольше доброты.

Цзинь Цюн фыркнула, не желая набираться доброты:

— Я неправа? Влияние школьной травли на пострадавшего, может ли оно быть устранено одним извинением обидчика? А потом они еще стали хорошими друзьями, тьфу, сюжет переделали слишком противно.

Жэнь Сысин не стал спорить. Мнения Цзинь Цюн по многим вопросам были очень точны, возможно, из-за съемок «Изоляции», на теле Цзинь Цюн была редкая для сверстников холодность и острота.

Однако, становясь «Цзян Ци», выступление Цзинь Цюн все еще соответствовало сюжетному образу, и примирение она приветствовала.

Цзян Ци и другие знали, что домашняя ситуация у Ли Шао не очень хорошая, у него даже нет денег жить в общежитии, каждый день он рано приходит в школу и поздно уходит, а возвращаясь, еще помогает по дому, домашнюю работу часто делает кое-как, лишь бы сдать

проверку учителю. Он не считался умным, из-за замкнутого характера и отсутствия друзей, когда не понимал что-то, мог только пялиться. После примирения звание школьного хулигана Сун Сюя стало защитным зонтиком для Ли Шао, его больше не обижали, а Цзян Ци считала его другом и часто звала к себе, вместе с Су Мин и Цзи Ди иногда помогала Ли Шао с повторением.

<http://bllate.org/book/16548/1508347>